

**ЛЮБОВЬ
ВНЕЗЕМНАЯ**

ЮЛИЯ
РУДЫШИНА

КАЩЕЕВА
НАУКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р83

Серийное оформление — *Яна Паламарчук*
Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Рудышина, Юлия.
Р83   Кашеева наука : [роман] / Юлия Рудышина. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Лю-
бовь взнезменная).

ISBN 978-5-17-105585-1

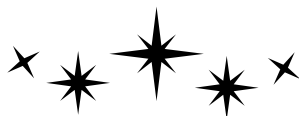
В сказочной школе, что расположилась в зачарованном лесу, темные дела творятся. Стали пропадать наставники. И ладно Елена Прекрасная и Варвара Краса — на них испокон веков злодеи охотятся. Но кому мог понадобиться Кашей Бессмертный? И главное — зачем? Выяснить это выпало на долю лучшей ученицы Кашея — Аленушки, которой на шею еще и Ивана-дурака повесили, едва не вылетевшего из школы за разгильдяйство. Та еще компания...

Как быть? Только идти своей дорогой навстречу сказке и неземной любви.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105585-1

© Ю. Рудышина, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

Кривая ель, разросшаяся на краю поляны, протяжно заскрипела, застонала, словно бы это и не дерево было, а дух лесной, жаждущий вырваться из панциря изъеденной временем трухлявой коры. Змеящиеся среди высокой травы корни взметнулись, хлестнув по земле плетями, в яму посыпались песок и мелкое каменное крошево, и тут же заискрились и засверкали на зеленых еловых ветках нити паутины, которая казалась сотканной из серебра.

Щелчок — словно удар кнута, — и поросшая белой шерстью лапа двоедушника толкает меня в сторону от проклятого дерева, готового утащить в царство Нави. Вроде как на Ту Сторону и надобно — но не в одиночестве, одна пропаду ведь.

Разочарованно вздыхает ель, поскрипывая мшистым стволом, лапы ее темно-зеленые машут прощально, словно не хочет дерево, чтобы я уходила. И запах ползет по чаще — смолы и янтаря, хвои старой, перегнившей. Грибница белеет у старого пня, словно капли крови — брусника в зеленых мхах. И легкая кислинка несется по ветру, примешиваясь к тяжелому смолистому духу.

— Аленушка, свет очей моих, и когда же ты под ноги смотреть будешь? — угрожающе-ласково

спрашивает мой спаситель, и заросшая шерстью морда, от которой не осталось в этот миг ничего человеческого, склоняется надо мной, загроживая солнечный свет.

Рога длинные, чуть закручивающиеся, и когти сверкают стальными ножами... Ничего, сейчас немного успокоится Иван мой, вновь станет похож на прежнего царевича. Белокожий да глазастый, с кудрями золотыми, хорош он был когда-то — да с лица воды не пить, я и тепереча готова замуж за него пойти, ежели позовет, пусть даже изгонят его из теремов царских да лишат титула. Не в кафтан небось влюбилась, не в пояс, золотом расшитый, так что проживу как-то простой девкой и дальше.

...С некоторых пор поумнел Иванушка, навязанный мне в провожатые наставницей по светлому чародейству Василисой Премудрой. Назвать его сейчас дурачком, как в прежние времена, у меня и язык бы не повернулся.

Правда, мудрость пришла после того, как подцепил он черное проклятие и стал превращаться в чудо-юдо — мохнатое и рогатое чудище с острыми волчьими клыками.

Ничего, расколдуем, утешала я себя, главное сейчас — ведьму отыскать, которая подскажет, что делать дальше да как задание Василисино выполнить, — сказывала нам наставница, что живет ее старшая сестрица, Бабой Ягой прозванная, среди темного заколдованного леса, в избушке на курьих ножках, в самом Приграничье, за которым река Смородина течет.

Старуха она вредная, но справедливая, в помощи не откажет. Говорили даже, на тот год должна Яга

к нам в школу явиться, чтобы ведовству да зельеварению обучать, премудрости свои передавать.

— Аль кажется мне, аль удачу свою ты Ванечке подарила? — послышался тоненький голосок из сумки холщовой, и тут же высунулась оттуда растрепанная тряпичная голова. Кукла Василисы Премудрой, которую наставница нам вручила, никогда смолчать не могла, и вот сейчас глазенки-бусинки уставились на меня осуждающе, с упреком.

А я в чем виновна? В том, что Навь ко мне тянется, что деревья оживают, пытаюсь на Ту Сторону утянуть? Или что Ивана не смогла уберечь?..

— Ежели и подарила, все одно она с нами одной тропой идет. — Я все еще тяжело дышала, с опаской поглядывая на ель, чьи ветви угрожающе шевелились, словно бы возмечтали снова до меня добраться. Хорошо, что деревья ходить не умеют... или научились уже?.. В этой проклятой чаще погибельной что угодно могло случиться.

Увидев, что проклятое дерево сдвинулось с места и направилось в нашу сторону, я с визгом вскочила с травы и едва не запрыгнула на свое чудище, прежде бывшее Иваном-царевичем — дураком-то это в школе нашей его окрестили за то, что не больно умен и удачлив оказался. А вон как оно обернулось — на его стороне теперь и удача, и сила.

— Вот окаянный лес! — Иван меня подхватил, сумку на ходу застегивая, чтобы кукла наша нечаянно не выпала, и ее протестующие крики заглушили щелчки ветвей, когда елка едва не схватила меня за косу — а коса у меня знатная, длиннющая, хоть тонкая больно. Я ее вокруг Ивановой шеи обкрутила, лицо на груди широкой пряча, — и только

свист в ушах раздался, когда помчалось мое чудище прочь от скачущего по поляне дерева.

Прижалась, вцепившись в плечи его широкие, а у самой голова от духа звериного кружится, кострами дальними пахнет, окалиной железной, дымами прогорклыми, листьями осенними... И вдыхаю я горечь эту, и насладиться не могу, а под ладонями моими сердце чудища бьется-дрожит, будто вот-вот прорвет клетку ребер, да и выскочит.

Хоть и не дородная я девица, а все же скакать по лесу с ношей в руках да поклажей за плечами не слишком легко. Еще и кукла вредничает, возится в сумке, верещит что-то, грозитя бросить нас посреди чащобы — сами, мол, будете искать Ягу, коли еще раз запрете в темноте да тесноте...

— Ну, кажись, оторвались... — остановился Иван, бережно меня на землю опуская.

Я глаза открыла — вокруг уже дубы столетние шелестят резными листьями, сквозь них медовый свет кружевом дивным льется, стрелами янтарными в траву вонзается, куда и делась гиблая чаща с ельником проклятым. И как мы вообще туда забрели?..

Кукла!.. Она, проклятущая!..

— Объяснишь? — Я тесемки развязала, чтобы подарёнка наставницы смогла голову свою на белый свет высунуть. — Ты к какому нас лешему вывела?

— Кто вам виноват, что вы клубочек потерять сподобились? — проворчала та, калачиком на дне сворачиваясь. — Мне за то ответ нести? Я сказала на север идти — а уж какой тропкой, о том не ведала! С меня каков спрос?

— Оставь ты ее, — махнул лапой Иван. — Ей бы только позубоскалить, и чего Василиса наша так ее любит?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю — проводницу нам выдали на диво характерную да дурную, — вздохнула я, косу свою с его шеи убирая.

Но тут же вспомнилось, как куколка меня выручила в самом первом хождении на Ту Сторону, когда только приехала я из своей глуши в Зачарованный лес, чтобы науку чародейскую постигать. И стыдно стало за слова свои злые, чую — щеки запылали. Завсегда я легко краснела.

А Иван на миг задержал мою руку у лица своего, потянул носом, принюхиваясь, — ох уж эти оборотнические замашки! Он теперь мир иначе чувствует да понимает, повадился то волосы мои обнюхивать, то руки... еще сожрет, окаянный.

С виноватым видом царевич ладонь мою отпустил, а мне так жалко его стало, что не удержалась и по рогам его погладила — не печалься, мол, как-нибудь да справимся с бедой.

Шутки то все, не сожрет уж, коли до сих пор не пытался. Радовало, что, не глядя на новый облик жуткий, все ж человеком Ванечка остался, таким, как и был, — ласковым, добрым. Он ведь единственный, кто со мной, сиротой безродной, дружбу водить начал, все шарахались, особенно как известно стало, чьего я роду-племени да как родители мои сгинули.

Темная история, страшная — утянули омутники батюшку, а матушка сама вслед за ним ушла. Говорили в деревне, что клятву он нарушил — обещался меня водяному царю в жены отдать, да не смог

того сделать, как срок подошел. Свою душу сгубил, а меня спас... Да вот только теперь мне к проточной воде и близко подходить нельзя — водяной так просто от своего не отступает.

Думала, в школе этой волшебной научусь, как спасти себя да отвадить навеки жениха проклятого, а вон оно как вышло, идем которую седмицу по лесам-полям, ведьму лесную ищем, чтобы путь она нам в Навь указала. Мертвое царство запретно живым-то, а кому еще проводить нас туда, коли не стражу подземного мира, что живет на границе между Явью и Навью?

— Айда дальше, — Иван головой мотнул в сторону пригорка, где деревья редко росли, — сдается мне, почитай дошли уж, болотом пахнет, гнилью, хоть и в светлой роще мы. Знать по всему, там нехорошее место, а нам и надо — в нехорошее...

— И почто только я согласилась с вами, упырями, в путь отправляться, — послышался приглушенный шепот куколки, но сама она так из сумки и не показалась, видать, боится, как бы под ближайший куст не выбросили.

Пройдя мимо старых дубов, вскоре вышли мы к осиннику — проклятые деревья, гиблое место. Туман из оврагов полз дымчатыми змеями, стлался он над землей, усыпанной палой листвой, пружинила она под ногами. Вскоре небольшое озерцо показалось, а за ним сруб старый, от времени почерневший, мхом крыша поросла, забор вокруг него из палок да кольев, а на них — черепа конские да коровьи скалятся, словно приветствуют усталых путников.

Неужто пришли?..

Не успели положенные слова сказать, как Василиса учила, мол, избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом, как заскрипела она, приподнялась, и видно стало, что сруб-то на огромной куриной лапе стоит.

Покачалась избушка, покряхтела по-стариковски, да и повернулась к нам — а в двери распахнутой бабка лохматая застыла. Глядит на нас зелеными глазами светящимися, а мы на нее — длинный нос крючком, нога костяная из-под лохмотьев виднеется, бородавки на сморщенном, как печеное яблоке, лице. Жуть лесная скалится, стоит-ухмыляется.

— Накорми-напой, спать уложи, во всем подможи, прошли мы дорогу долгую, к твоему порогу добрались по велению сестрицы твоей младшей — Василисы Премудрой, что наставницей служит в школе сказочной, расположенной в лесу Зачарованном. Уважь просьбу нашу, в долгу не останемся! — поклонилась я до земли, косой по траве мазнув. А у самой сердце колотится от страха — как нас Яга примет? Исполнит ли просьбу? Али прочь прогонит с проклятиями?..

Иван — вот дурак! — рядом стоит, зыркает на старуху, даже кивнуть не удосужился. Я его за лапу дернула — тогда и он поклонился. Замашки то боярские виновны — не привык он спину перед кем-то гнуть, не пристало, мол, сыну царскому земные клоны бить. И перед кем? Перед лихом лесным!

— Ну, заходите, коль пришли... — проскрежетала Яга, внимания не обратив на промашку царевича. — А с чем явились да зачем — это уж опосля разберемся... Расскажите, что привело вас ко мне,

✧ ✧ ✧ ✧ ✧ Юлия РУДЫШИНА

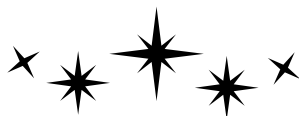
а я уж потом подумаю — смогу ль сподмочь вам али нет.

Вот и пришлось все с самого начала вспоминать да пересказывать.

Но сказка долго сказывается, а у нас с Ягой вся вечность впереди — на границе с Навью время замирает, останавливается колесо его, некуда спешить, не о чем плакать.

Заварила она чайку нам с листьями земляники да хвоей сосновой, добавила туда трав пахучих, ягод сушеных, пироги на стол выставила, да и приготавилась слушать про злосчастья, свалившиеся на школу Василисину.

Но начала я издалека — с того еще времени, как жила в своей деревушке да травничеством занималась, а про науку чародейскую и не думала — не гадала.

ГЛАВА 1

Солнце янтарными рассветными стрелами разорвало серый полог, что навис над рекой и ближними лугами, и я невольно прикрыла ладонью лицо — фиалково-синие ночи, дрожащие россыпями звезд в мареве туманного морока, всегда нравились мне больше, чем жаркие степные дни. Да и вообще хотелось мне жить среди тенистых густых лесов, там и трава не выгорает, и ягод много... Но, как говорят, где родился — там и пригодился, и не выбираем мы, под какими небесами появиться на свет да где жизнь прожить.

Вот и я не выбирала — и осмнадцать годков тому родилась у старого мельника и его молодой жены дочь Аленушка. Только вот этим беду привлекла к роду своему — отец мой сгинул в омуте, когда мне еще и пятка годов не было, говорили, русалки баловали в те дни, а он зачем-то к берегу спустился, а матушка... матушка его ненадолго пережила. Сказывали, так она его любила, до одури, что отправилась на речное дно, чтобы к людям вернуть. Но разве ж человек сможет водяного царя и дочек его обхитрить? Не сможет...

Вот такая, как я, может, и справилась бы.

Сила во мне живет волшебная, но природа ее мне неведома, знахарка местная слаба слишком, не

видно ей, что за огонек в груди моей трепещет — алый ли, как закат над степью, или синий, как звезды зимние?

Свет или тьма?

А может, и вовсе навья зелень бедовая в душе горит?.. Неведомо то.

И пока что мне, сироте, только и остается, что местной травнице помогать да мечтать, что однажды родители из подводного царства проклятого к людям возвернутся.

Вот и в тот день, когда лето на излом пошло, я всю ночь копала корешки одного ночного цветка, прозванного жароцветом, от простуды да судорог могущего помочь. Тонкие, как ворсинки, да хрупкие больно корешки те были, намаялась я, спину ломило, и все кости сводило к утру — немудрено, ползать пришлось по земле с заката до рассвета. Но зато за корешки эти, вернее, за настойку из них сеяне нам с Дариной-травницей зерна дадут и репы, молока да мяса. Пока все поля засевают да скотину пасут, мы травами и зельями занимаемся — каждый при своем деле.

Как управилась, домой пошла, корзинку крепко ухватив, спать хотелось страсть как. Я уже к ограде подошла, что вокруг селения змеею вилась, туда, где старые дубы росли, в которых деды, предки наши, прибежище после смерти нашли. Хорошее дерево, светлое, и души в нем живут те, что правью славны были, темным духам места здесь нет... темные в Нави проклятой обретаются.

Оглянулась я на миг, ощутив на себе липкий взгляд чей-то, позади — роща березовая шелестит,

зеленым кружевом полощет на ветру. И не видать, кто там идет среди деревьев...

Я от калитки отошла, вернулась на дорогу, что к лесу вела, — мало ли кто следом увязался, еще приведу злыдней каких с собою, селяне тогда не пощадят. Гляжу, а то не духи пакостливые — идет по тропке дочка старосты, чернокобая остроглазая Анисья. Лучше бы и правда злыдни привязались — не любит меня Анисья, ревнует больно с тех самых пор, как на прошлый солнцеворот жених ее, Збышек, пытался меня в чашу сманить. Молва про то по всей деревне пошла, но никто парню ни единого упрека не сказал.

Меня обвинили.

Ведьма, мол, она, совсем, как матушка ейная, околдовала хлопца, погань такая, и все дела — такой приговор был от селян.

А то, что он меня едва не насильничал, ежели б не леший с лесавками, которые Збышека отогнали да запугали, то все ничего. Мне никто не поверил, а его жалели.

И вот я от ворот решила к роще вернуться. Пусть Анисья пройдет, я уж потом — а то снова прицепится со своими проклятиями. Могла бы, прибила бы она меня, глаза ее так и горят от ярости, когда меня видит.

Думала, пройдет дочка старостина — нет, за мной направились. Не идет — плывет, косу тербит, а руки грубые, загорелые, да и лицо от солнца потемнело. Все девки в селе смуглые, солнце их любит — одна я уродилась неженкой, с кожей светлой да тонкой. И за что мне это?